

А. Г. ХУРМЕВААРА

ПОЭЗИЯ КААРЛО КРАМСУ

Имя Каарло Крамсу принадлежит к тем именам, которые никогда не будут забыты финляндским народом. В периоды революционных бурь, сотрясавших основы капиталистической Финляндии в 1905 и 1918 гг., боевая страстность стихов Крамсу, написанных еще в XIX в., звала пролетариев на баррикады, в отряды рабочей Красной гвардии. Наследие Крамсу невелико и немногочисленно, его неувядаемость — в силе поэтического предвидения и в народности идей, высказанных поэтом.

* * *

Одна из задач литературоведения — найти и связать воедино элементы демократической литературы, чтобы понять сложный путь ее развития и почувствовать идейное и художественное своеобразие отдельных ее явлений.

Для истории Финляндии XIX в. характерно переплетение борьбы с феодализмом и борьбы с многовековым господством Швеции, в процессе которой утверждала себя финская нация в целом и финская буржуазия в частности. Поэтому не удивительно, что издание Э. Лённротом в 1835 г. карело-финского эпоса «Калевала» было знаменательным событием не только в культурной жизни Финляндии, но и в истории борьбы против шведского феодализма. «Калевала» была поспешно объявлена финским эпосом и стала пропагандироваться как доказательство древности, жизнеспособности и могущества финской нации. Издание «Калевалы» дало толчок развитию финской литературы, которая до этого была представлена в основном стихами религиозного содержания.

С именем Э. Лённрота связано развитие демократического направления литературы Финляндии. В предисловии к изданному им в 1840 г. сборнику народных лирических песен «Кантелетар» Лённрот, характеризуя официальную поэзию как поэзию, далекую от народа, обращается к поэтам с призывом перенять у народного творчества его способность выражать мысли и чувства народные. Взгляды Лённрота на народное творчество и литературу, как и издание «Калевалы» и «Кантелетар», оказали большое влияние на дальнейшее развитие литературы Финляндии. С появлением в литературе имени Лённрота начинает ощущаться иногда более, иногда менее определенное тяготение писателей и поэтов либо к провозглашенным им принципам, либо к традициям официальной поэзии, в первую очередь к Рунебергу.

Творчество Ю. Л. Рунеберга проникнуто противоречивыми тенденциями. Если в его лирике встречается выражение любви к Финляндии (поэт был шведом по национальности), к ее природе, ее людям, открывается восторженная, даже несколько сентиментальная душа автора, звучат мотивы народного творчества (сербского), то в поэмах «Охотники на лосей» (1832), «Рассказы прапорщика Стооля» (1848), «Надежда» (1841), «Пааво из Саариярви» (1830) рисуются картины идиллических взаимоотношений между феодалами и крестьянами, воспеваются русско-шведская война 1808—1809 гг., в которой финны были только пушечным мясом шведского короля, и прославляется долготерпение и смирение финского крестьянина.

Поэты, начертавшие на своем знамени имя Рунеберга, во многом уступали ему в мастерстве, но многословно перепевали его темы, повторяли его идеалы. А. Оксанен (1826—1899), Суонио (1835—1888), А. Яннес (1848—1915) были наиболее значительными представителями этого направления.

А. Оксанен — литературный псевдоним языковеда, профессора Хельсинкского университета Аугуста Алквиста. В историю финляндской литературы он вошел сборником стихов «Искры» и печально известной полемикой против Алексиса Киви, в которой ярко проявилась реакционность его мировоззрения. Начав с нападок на сочный язык прозы Киви, Оксанен пришел к отрицанию всего написанного им из-за «грубости», «неэстетичности», «нездоровости» в показе народной жизни. Он не мог простить Киви отсутствия у него отчетливо выраженной фенноманской программы, шовинистических лозунгов — отзвуков всей той искусственной националистической шумихи, которая усиленно раздувалась официальной печатью.

Одной из центральных тем поэзии Оксанена было прославление бесславных для Финляндии исторических событий. Поэт мечтал о расширении владений Финляндии до Онежского озера и устья Двины.

Финляндские исследователи, подчеркивая большое влияние Рунеберга на Оксанена, справедливо говорят о поэтической слабости последнего. Однако и несовершенство его стиха В. Таркиайнен, например, истолковывает как его своеобразие, как стремление «взывать прямо и непосредственно к крови и инстинктам»¹.

До настоящего времени буржуазное финляндское литературоведение считает, что финская поэзия развивалась путем преодоления общественной тематики, что преобладание личных тем является заслугой современной поэзии. В связи с этим Л. Вильянен в работе о поэзии А. Киви, вышедшей в 1953 г., пишет: «Авторы чувствовали себя членами какого-то коллектива, им и в голову не приходило отразить свое, персональное»². Говоря о поэзии Оксанена, Вильянен особенно подчеркивает появление у него «субъективных тем».

В период кризиса феодальных отношений во многих европейских литературах на первый план выдвигается романтизированная тема свободы человеческой личности, ее мыслей и чувств, причем революционно настроенные романтики создавали образ или борющегося или страдающего (если поэт уже разочаровался в буржуазной эпохе и ее будущем), но всегда сильного человека, а романтики реакционного толка старались придать значительность малейшим движениям души и повседневным случаям жизни.

¹ V. Tarkkainen. Piirteitä suomalaisesta kirjallisuudesta. Porvoo, 1922, стр. 141.

² L. Viljanen. Aleksis Kiven runomaailma. Porvoo-Helsinki, 1953, стр. 12.

В поэзии Оксанена, Суонио и Яннеса, наряду с прославлением войн, прошедших и грядущих, отчетливо видно это преувеличенное внимание к заурядной личности поэта.

В поэзии Суонио (псевдоним известного фольклориста Ю. Крона) наибольшее место занимают стихотворения, пространно описывающие неглубокие чувства автора или незначительные события его жизни. Наряду с этим, Суонио, вслед за Оксаненом, продолжает тему защиты отечества от мнимого врага и подобно ему призывает к примирению внутренних противоречий.

В конце 80-х — начале 90-х годов старые темы Оксанена и Суонио продолжал развивать А. Яннес.

Враждебность Яннеса к подлинно демократическим явлениям жизни и литературы ярко проявилась в его стихотворении «Певнице мерзости»¹, в котором он обвиняет писательницу Минну Кант в сознательном искажении жизни и законов красоты.

Можно назвать еще несколько имен поэтов 70—80-х годов, примыкавших к традициям Рунеберга и Оксанена, — П. Каяндер, О. Вуоринен, О. Уотила. Но они были еще менее самостоятельными и не оставили значительного следа в литературе.

Господствующая в финляндском литературоведении теория «единого потока» мешает исследователям увидеть принципиальное различие между последователями Оксанена и поэтами демократического направления. Обратившись к анализу поэзии Алексиса Киви, мы попытаемся показать это различие.

Поэзия Алексиса Киви (1834—1872) не является самой значительной частью его многогранного творчества. Наибольшую роль в развитии финляндской литературы сыграли его роман «Семеро братьев» (1870), реалистически отражавший процесс разложения феодального крестьянства, комедии «Сапожники из Нумми» (1864) и «Обручение» (1866) и романтическая трагедия «Куллерво» (1864).

Киви в своеобразной юмористической манере рисовал жизнь трудовых слоев Финляндии. Его мировоззрение, однако, было не свободно от противоречий. Ему была близка идея примирения с действительностью. В его прозе и драматургии переплетались реалистические и романтические мотивы. Для его стихов, объединенных в сборнике 1866 г. «Канервала», характерно такое же тесное взаимопроникновение романтизма и реализма. Сборник стихотворений Киви прежде всего свидетельствует о подлинно поэтическом восприятии мира, о том, что их автор был наделен душой сильной и мятежной. Лирические стихотворения Киви глубоко прочувствованы автором, поэтому и в наши дни производят впечатление неумирающей поэзии человеческой души.

Тема поруганной мечты, крушения надежды на счастье звучит во многих стихотворениях Киви («Башенный колокол», «Первая любовь», «Туомо», «Тоска», «Мать и сын»). Поэт разочарован в человеческом знании, которое раскрывает перед ним лишь темные стороны жизни. Люди, населяющие мир поэзии Киви, — это крестьяне, охотники, моряки — люди из народа, к которому всей своей жизнью был близок поэт. Киви воспевал и сильных людей, побеждающих в битве со стихиями и жизненными невзгодами («Буря», «Мужчина», «Северный ветер» и др.).

Киви-поэт был столь же демократичен, как и Киви-прозаик и драматург. Не случайно его сборник стихов «Канервала» был подвергнут резкой критике со стороны Суонио: представители официальной поэзии

¹ A. J ä n n e s. Mulstoja ja toiveita. Helsinki, 1889.

почувствовали в своем современнике поэта иного, нового и для них неприемлемого направления.

Демократические традиции Лённрота и Киви воспринял Юхани Хейкки Эркко (1849—1906), поэт и драматург, современник К. Крамсу. В историю финляндской литературы Ю. Х. Эркко вошел прежде всего как автор драм, написанных на сюжеты «Калевалы»: «Айно», «Куллерво» и «Свадьба в Похьёле», в которых ставились важные общественные проблемы XIX века.

В поэзии Эркко шел от романтических пейзажей к социальному осмыслению капиталистической действительности.

В 70-е годы, когда началась литературная жизнь Крамсу, творили и другие писатели, близкие по своему направлению к Крамсу. П. Пяйвяринта писал рассказы о безрадостной крестьянской жизни. М. Кант искала путей к реализму. В 80-е годы к демократическому направлению в литературе примыкают Ю. Ахо, К. Лейно, Ю. Рейонен.

Таковы основные имена того круга передовых финляндских писателей XIX века, к которому принадлежал Крамсу. Этих имен немного, но наличие их доказывает, что Крамсу в боевой страстности и народности своей поэзии не был одиноким, как это пытаются доказать некоторые литературоведы.

Наследие Крамсу, составляющее всего лишь около пятидесяти стихотворений, привлекало своеобразием тематики и настроения многих критиков и литературоведов. Можно насчитать около десятка статей, посвященных биографии и творчеству поэта. В большинстве из них отмечается новизна, своеобразие и свободолюбие поэзии Крамсу. Однако чем дальше в историю уходили 70—80-е годы XIX в., тем менее объективно оценивалось творчество поэта. Уже в 1913 г. в журнале «Валвоя» А. Мёрне¹ упрекает Крамсу в оскорблении исторического чувства читателей. Мёрне дает отрицательную характеристику лучшей исторической балладе Крамсу «Илкка». В этом нельзя не увидеть тенденциозности. Образ Якко Илкки несомненно несколько переосмыслен, но это не снижает идейно-художественного значения баллады, ибо исторические события в ней изображены с точки зрения угнетенного народа. Баллада «Илкка» очень популярна в Финляндии, и это лучше всего говорит о том, что Крамсу не оскорбляет исторического чувства читателей.

Стремление сузить и приглушить социальное звучание поэзии Крамсу проявляется в статьях поэта и литературоведа В. А. Коскенниemi² и историка литературы О. А. Каллио³. Они пытаются представить Крамсу одним из самых националистических поэтов Финляндии, исказить содержание лучших стихотворений поэта.

С конца двадцатых годов все чаще повторяется тезис о беспросветном пессимизме Крамсу. Некоторые литературоведы, например, Р. Коскимиес в книге «Живая национальная литература»⁴, дают совершенно вульгарное объяснение этому пессимизму, — связывая его с болезненностью поэта.

В вышедшей в 1948 г. книге Р. Палмгрена⁵ Крамсу поставлен в ту же самую «великую линию» национализма, которую автор старается проследить на протяжении всей истории финляндской литературы, хотя

¹ A. Mörne. Kaarlo Kramsun historialliset runot. «Valvoja», 1913, стр. 225—243.

² V. A. Koskenniemi. Kirjoja ja kirjallijoita. Porvoo, 1918, стр. 25—33.

³ O. A. Kallio. Uudempi suomalainen kirjallisuus. Porvoo, 1928, стр. 219.

⁴ R. Koskimies. Elävä kansalliskirjallisuus. Helsinki, 1944, 1, стр. 226.

⁵ R. Palmgren. Suuri linja. Helsinki, 1948, стр. 126—135.

этому и противоречат даже стихотворения, цитируемые в книге. Последняя известная нам работа, упоминающая имя Крамсу, — краткая «История финской литературы» В. А. Хайла и К. Хейккиля¹, изданная в 1953 г., — рассматривает его как мрачного, пессимистичного и негармонично звучащего поэта.

Мы не можем утверждать, что мировоззрение и творчество К. Крамсу свободны от противоречий. Именно эти противоречивые моменты в его поэзии и дают возможность финляндским литературоведам говорить о Крамсу как поэте, воспевавшем финскую расу.

Крамсу был патриотом, страстно желавшим видеть свою родину свободной от всякого угнетения. Основной пафос его творчества заключен в борьбе против социального гнета. Этой мыслью проникнуты его лучшие стихотворения, в частности, баллады о Дубинной войне 1596—1597 гг. Утверждения же о национализме и шовинизме Крамсу основываются, как правило, на тенденциозном толковании двух-трех незначительных стихотворений и вольном переосмыслении содержания многих других произведений этого поэта.

Судьба Каарло Крамсу сравнивается в финляндском литературоведении с трагической судьбой одного из популярнейших героев эпоса «Калевала» — Куллерво. Подобно Куллерво, не видевшему в жизни ничего, кроме угнетения, Крамсу познал глубину социальных противоречий современного ему общества и умер, не увидев реальных сил, могущих бороться против гнета. Между тем, как мы попытаемся доказать, Крамсу был выразителем чаяний свободолюбивого и мужественного трудового крестьянства Финляндии, воплощенного поэтом в сильных образах героев его баллад.

Каарло Крамсу родился в 1855 г. в семье моряка, в городе Оулу, на севере Финляндии. Он был младшим из шести детей и рано познал нужду и лишения.

Поступив в 1874 г. в Хельсинкский университет, Крамсу в том же году принимает участие в студенческом литературном конкурсе и получает премию за маленькую тетрадь стихотворений.

Основными предметами занятий Крамсу в университете были философия, история и эстетика. Большое значение для формирования мировоззрения Крамсу, по-видимому, имели лекции известного историка Юрьё Коскинена.

Юрьё Коскинен — фигура, характерная для 70-х годов. Как известно, в период становления капитализма идеологи буржуазии нередко обращаются к истории, ищут в прошлом теоретическое обоснование своему господству. Не случайно Юрьё Коскинен темой одного из своих исследований избрал Дубинную войну, то есть период, в который ярко проявилась активность народа, беднейшего финского крестьянства в борьбе с феодализмом. Толкуя историю как осуществление саморазвития идеи человечества, Юрьё Коскинен, разумеется, не мог с научной достоверностью осветить исследованные им явления, и ныне его труды представляют интерес только в фактографическом отношении.

Судя по имеющимся скудным данным о жизни и творчестве Крамсу, поэт активно посещал лекции Юрьё Коскинена, но, как показывает его творчество, критически переосмыслил исторические построения Коскинена с позиций демократического мировоззрения. Он жадно впитывал все, что дополняло его знания о трудовом народе, выходцем из которого

¹ V. A. Haila, K. Heikkilä. Suomalaisen kirjallisuuden historia. Helsinki, 1953.

он был, что раскрывало в народе черты свободолюбия, гордости, стойкости в борьбе против угнетателей.

Нужда заставила Крамсу прекратить учебу в университете и стать журналистом¹. С 1878 по 1881 г. Крамсу работает в газетах города Оулу. Промелькнувшая в одной из статей журнала «Валвоя» фраза о нападках, которым подвергался Крамсу в бытность его редактором газеты «Оулун лехти»², позволяет предположить, что поэт был борцом не только в своем художественном творчестве, но и в повседневной работе. Характер убеждений Крамсу ярко проявился уже в первом сборнике его стихотворений, вышедшем в Оулу в 1878 г., то есть в год начала его газетной работы. В сборник вошли такие насыщенные пафосом борьбы стихотворения, как «Илкка», «Битва при Сантавуори», «Спартак» и другие. Если поэт в газете выступал в защиту тех же убеждений, которыми проникнуты его лучшие стихотворения, то понятен и смысл высказывания, приведенного выше, и тот факт, что Крамсу не мог долго продержаться ни в одной из газет: в 1884 г. он работает в редакции газеты «Аура» в городе Турку, в следующем году начинает редактировать «Рауман лехти», в 1890 г. переезжает в город Пори. Параллельно с газетной работой, которая оплачивалась очень низко, Крамсу был вынужден заниматься переводами (для хельсинкского театра) и преподавать в школе. В 1887 г. выходит из печати второй сборник его стихотворений, в котором еще сильнее прозвучали тема борьбы за свободу, протест против угнетения. В этом сборнике отразилось возраставшее недовольство трудовых масс Финляндии гнетом царизма, усилившимся в 80-е годы. Сборник свидетельствовал также о расширении кругозора поэта, понявшего бесплодность движения человечества от одной буржуазной революции к другой (стихотворение «Новые времена»). Действительной силы, способной свершить переворот, после которого началось бы подлинно новое время, Крамсу не суждено было увидеть, ибо его сознательная жизнь фактически оборвалась в 1891 г. тяжелой душевной болезнью. Последующие четыре года Крамсу проводит у своего брата в Ювяскюля, затем в больнице, где и умирает в 1895 г.

Трагическая судьба Каарло Крамсу имеет много общего с судьбой Алексиса Киви. Оба писателя, не достигнув и сорокалетнего возраста, были сломлены жизнью, полной лишений и невзгод, оба они продолжают жить в памяти финского народа. Как и Киви, Крамсу был поэтом крестьянства, но в отличие от Киви он был поэтом борющегося крестьянства.

Крамсу возлагал свои надежды на крестьянство, составлявшее большинство населения аграрной страны и наследовавшее, как ему казалось, боевые традиции участников Дубинной войны. В этом и источник исторической ограниченности мировоззрения поэта, породившей пессимистические ноты в его творчестве. Крамсу не верил в плодотворность буржуазной революции, а финское крестьянство в 70-е и 80-е годы XIX века не являлось той силой, которая могла бы решительно изменить общественный строй, — и поэт задыхался в условиях обострения капиталистических противоречий, усугубленных гнетом царского самодержавия. И все же пессимизм нельзя считать наиболее характерной чертой поэзии Крамсу, как делают это буржуазные литературоведы. Мы постараемся подчеркнуть другую, не менее характерную особенность его творчества — веру в народ, в победу свободы. Эта вера привела Крамсу к созданию

¹ Недоступность материалов финляндской периодической печати XIX в. не позволяет автору подробнее остановиться на газетной работе Крамсу и на вопросе развития его мировоззрения.

² См. P. Artti. K. Kramsun runoilijaluonteesta. «Valvoja», 1900, стр. 412.

образов подлинно национальных героев из числа вольнолюбивых финских крестьян. Крамсу наделяет своих героев верой в свободу, страстным протестом, благодаря чему его баллады о Дубинной войне не утратили своей актуальности и в современной Финляндии. В этом яркое свидетельство народности поэзии Крамсу.

Баллады Крамсу были новым словом в развитии этого жанра в Финляндии. В отличие от Оксанена, создавшего балладу «Невесты кормчего» с традиционным полумифологическим сюжетом (любовь русалки к человеку), Крамсу обращается к действительному прошлому своего народа и реалистическое осмысление исторического процесса сочетает с использованием типично романтических художественных средств.

Лирика Крамсу насыщена глубокими раздумьями о будущем народа. Отсюда характерное переплетение личных и гражданских тем. Немногие образы финской природы, которые Крамсу создает в своих стихотворениях, органически сливаются с гражданскими мотивами его лирики. К мотивам народного творчества Крамсу обращается сравнительно редко, но и их поэт наполняет взволнованной страстностью поэта-гражданина.

Следует отметить, что самые мрачные стихотворения Крамсу написал в 70-е годы и большую часть из них не включил в сборник 1887 года. Безысходность ранних¹ стихотворений навеяна трудной юностью поэта, обманувшегося в своих мечтах. Таковы стихотворения «Умирающий», «Дума», «К печали». Поэт еще не пытается найти истинную причину постигающих его несчастий, он глубоко страдает и смиряется с горем:

Mut itkeä en huoli siitä:
Mi katoopi, se kadotkoon.
Ei ilo jokaiselle riitä,
Siis seuraas tyytyväinen oon.

Стоит ли об этом плакать?
Погибших надежд не вернуть,
Коль радости не хватает на всех,
То я смирюсь с печалью.

(«К печали»)

Как ни тяжело было детство, в сравнении с юностью оно кажется поэту прекрасным временем надежд и иллюзий:

...Jolloin mä luulin, että
ihmisessä
Vaan vallitseepi hyveet, totuudet:
Tuo luulo silloin lapsen sydämessä
Sai syntymähän haaveet suloiset.

...Тогда я думал, что в человеке
Царят добро и правда,
И эта вера в моем детском сердце
Зажгла чудесные мечты.

...Kun nähdä sain mä paheen
ivellysten
Totuudet, hyveet jaloin tallaavan,
Niin, raivotessa synkään
epäilysten,
Näin onnen, sulon, kaikki katoovan.

...Когда же я увидел, как зло
Попирает ногами правду и добро,
Мрачные сомнения стали терзать
меня,
И исчезли мечты о счастье.
(«Скептик»).

Подобно Киви, которому познание приносило только муки, Крамсу видит в жизни прежде всего осквернение правды и добра.

¹ Мы только относительно можем делить произведения Крамсу на ранние, т. е. опубликованные в сборнике 1878 г., и поздние, т. е. изданные в 1887 г. Точных дат написания стихотворений не удалось установить из-за недостатка материала.

В стихотворении «Поиски счастья» Крамсу пишет:

Lyhyt aikani tääll' on, sen tiedän	Знаю: времени мне дано мало,
Ja pitkä matkani tää;	А путь долгий;
Niin kivinen mentävä polku,	Камениста тропа, по которой иду,
Ja myrskyinen elämän sää.	И погода ненастна.

По этой трудной каменистой тропе поэт все-таки будет настойчиво идти вперед, не ища покоя, ибо покой равносильен смерти, и только в борьбе смысл жизни:

Ken leponon itsensä heittää,	Кто отдохнуть захочет,
On kuollut jo eläissään.	Тот мертв уже при жизни.

(Там же)

Лирический герой Крамсу во всем противоположен герою Оксанена.

В отличие от Киви и Крамсу поэт Оксанен пытается познать истину в безумствах любви, в беседе с учеными, в дыхании искусства, но безуспешно, потому что истина нужна ему для обретения покоя:

Minä etsin ja etsin jo kauvan,	Забросив радости,
Ilon polvuilta poiketen pois,	Давно уже ищу я
Sitä lähdettä, jostapa rauhan	Источник, у которого мое бедное сердце
Sydänparkani siemata vois.	Обрело бы покой.

(«Скептик»)

Лирический герой Крамсу не боится жизни и горечи плода древа познания, он ищет истину не ради покоя, его не страшит даже смерть во имя истины.

В стихотворении «Вяйнямёйнен на реке Туонелы» Крамсу воспользовался сюжетом 16-й руны «Калевалы», в которой рассказывается о путешествии героя в царство смерти — Туонелу за тремя нужными словами. Поэт подчеркивает в Вяйнямёйнене черты неустанныго и бесстрашного искателя истины и знаний, то есть черты, в первую очередь характеризующие героя народного эпоса. В этом стихотворении ясно обнаруживается близость Крамсу к трудовому народу. Переосмысляя образы и мотивы народного творчества, он не идет в разрез с основным его содержанием и с народной идеологией, как это можно наблюдать в творчестве Оксанена.

Стихотворение Крамсу «Вяйнямёйнен на реке Туонелы» представляет собой диалог между мудрецом и дочерью хозяйки подземного царства — Туонетар. Туонетар пытается внушить Вяйнямёйнену, что он обрекает себя на тяжкие испытания. Однако Вяйнямёйнена не останавливает даже смерть, и он смело садится в лодку Туонетар:

Rohkeutta sanasi ei kaada:
Kaikki pitää uskaltaa, jos suurta tahtoo saada.
Tieteelle mun sydämeni rinnassani sykkää.
Sille uhraan elämäni. Venhe ulos lykkää!

Слова твои не поколеблют моей решимости:
Если хочешь добиться многого, надо многое сметь.
Сердце в груди моей стучит и жаждет знаний,
Для них могу и жизнью жертвовать. Плыдем!

Образ неустанныго искателя знаний и правды органически смыкается с основным образом лирического героя поэзии Крамсу, который может предаваться горю и разочарованию, но никогда не устает в своем труд-

ном пути познания жизни. Обращаясь к юношеству в стихотворении «Идеи», Крамсу хочет вдохнуть в молодые сердца жажду знаний и страстность убеждений, без которых человек не будет человеком, он хочет научить бороться:

Eestä aattehitten sotimaan	Смело, юноша, бросайся
Innokkaana nuorukainen riennä!	На борьбу за убеждения!
Aatteen valtaan antau kokonaan,	Всего себя отдай во власть идеи,
Olit joukoss' suurra taikka piennä.	Будь ты велик или мал.

Вторая строфа этого стихотворения, высеченная на памятнике, поставленном Крамсу в 1936 г. в городе Куопио, характеризует облик поэта, погибшего в борьбе за свои убеждения.

Rinnassas ain into palakoon,	Пусть всегда в груди огонь
	пылает,
Älä aineen orjaks koskaan maadu;	Рабом низменного не будь,
Aattees voittakoon tai sortukoon,	Борись и гибни за свою идею,
Edestä sen taistele ja kaadu.	Если даже она не победит.

Из этого стихотворения еще не ясно, за какие именно убеждения боролся и страдал Крамсу, но уже намечен путь к боевым призывам его исторических баллад.

Мотивы разочарования, свойственные Крамсу, нашли наиболее художественное выражение в стихотворении «Несчастный», написанном в 70-е годы и включенном поэтом как в первый, так и во второй сборник. Это небольшое стихотворение, наряду с балладой «Илкка» и несколькими другими балладами, принесло известность начинающему поэту в Финляндии и было одним из первых переведено на русский язык¹. Выразительность в стихотворении «Несчастный» достигается не оригинальностью его поэтических образов, а силой горестного чувства, которое как бы стоном вырвалось из сердца поэта, не успев облечься в красивые слова. Образ осенней ночи — один из самых распространенных в народном творчестве и в поэзии символов человеческого горя и тоски.

Niin musta niin synkkä yö syksyinen lie,
Mut synkempi vielä on eloni tie;
Voi yölläkin tuikata tähtönen vielä,
Mut tähteä yhtään ei eloni tiellä.

Осенняя ночь так черна и печальна,
Но еще чернее мой путь по жизни.
Ночью может зажечься хоть одна звезда,
Надо мной ни одна звезда не мерцает.

Напомним, что с осенним вечером сравнивает свою жизнь и А. Киви в стихотворении «Тоска», с которым перекликается это стихотворение Крамсу.

Крамсу не ждет ни утра, ни солнца для себя, он надеется на очень малое, на то, что, казалось бы, сопутствует каждому человеку как само собой разумеющееся:

¹ См. «Сборник финляндской литературы» под ред. М. Горького и В. Брюсова. Петроград, 1917.

Oi, yöhöni, Luoja, yks tähtönen luo
 Ja loistaa sen mieleeni kurjahan suo.
 Sit' iloiten seuraisin eloni tiellä
 Ja kuolleissaan siihen mä katsoisin vielä.

О, Творец, создай для моей ночи хоть одну звезду,
 Пусть она сияет мне в несчастьи.
 Тогда я с радостью шел бы по жизни
 И, умирая, смотрел бы на нее.

Чернее беззвездной ночи мрака не бывает, и поэтому читатель верит поэту, которому не дано видеть даже холодного света звезд. Противопоставляя ночи не день, не солнце и даже не луну, а всего лишь мерцающую звезду, Крамсу выразительно передает настроение, присущее глубоко страдающему человеку. Однако Крамсу выражает не только свою боль и свое страдание. Оглядываясь, он замечает, что участь других людей не лучше его собственной, и это наблюдение понемногу приводит его к осознанию социальной причины человеческих несчастий. В стихотворении «Чему смеешься?» поэт говорит о том, как не гармонирует смех с окружающей жизнью.

Ja onnesta muidenko riemuinnet, Kun huomata toki taidat, Jos minne sä katsonet, Tiet elon kurjat ja kaidat.	Ты радуешься счастьем других? Но разве ты не видишь, Куда ни бросишь взгляд — Повсюду тесные дороги несчастья.
--	---

«Чему же ты смеешься?» — вопрошает поэт и находит ответ:

Mut riemusta et sinä naurakaan, Et kiitä kurjuutta, tuhkaa: Sun naurus äänekäs onkin vaan Niin synkkää pilkkaa ja uhkaa.	Но ты не от радости смеешься, Не прах и несчастье тебя веселят, В твоём звонком смехе — угроза И мрачная насмешка.
---	---

Контрастность образов в этом стихотворении — смех — и страдание — определяется реальными социальными контрастами, правда, еще не совсем определенно выраженными.

В конце стихотворения несоответствие противопоставленных планов нагнетается до предела и естественно выливается в угрозу. Концовка стихотворения говорит о том, что Крамсу начинает видеть людей, не сгибающихся перед трудностями, порождаемыми социальными противоречиями.

Мы склонны трактовать понятие «судьбы», встречающееся в анализируемом стихотворении и ряде других произведений Крамсу, как поэтический образ социальной действительности, а не как категорию абстрактно-религиозного порядка. Крамсу пишет:

...Kun suuttua tulis sun kohtaloon, Mi onnesta pois sun sulki, —	Ты должен зол быть на судьбу, Которая лишила тебя счастья, —
---	---

и затем подчеркивает, что это обычная участь в мире скорби («juuri kesken maallisen vaivan») и «тесных дорог несчастья», то есть в понятие «судьбы» вкладывается совершенно определенное социальное содержание.

Подтверждение этого мы найдем и в стихотворении «Над водопадом». Социальная тема звучит здесь уже более отчетливо.

Поэта привлекает сила борющихся волн, их мятежный язык. Интересно сопоставить это стихотворение с другим стихотворением Крамсу на близкую тему — с «Песней водопада». В этом стихотворении Крамсу рассказывает о мальчике, замороженном таинственной мощью природы. Мальчик так и не понял, о чем пели белоголовые волны водопада, а когда он уже взрослым возвращается домой после странствий по свету, горький жизненный опыт помогает ему услышать слова песни: водопад звал его в свою пучину. Стихотворение окрашено в темные романтические тона и примыкает к другим пессимистическим произведениям Крамсу.

В отличие от этого в стихотворении «Над водопадом»¹ поэт в стиле, приближающемся к стилю исторических баллад, расшифровывает язык бурливых волн. Он звучит,

Kun vapahitten ääni yksin voi.

Как может звучать только голос свободы.

Кипучий водопад здесь — не мрачная таинственная стихия, а бесконечная, и в своей бесконечности — жизнеутверждающая, радостная, свободная сила:

Eteenpäin käyvät lapset Vellamon,
Eik' estä heitä käsi kohtalon:
Ei kadota se koskaan onneansa,
Ken vangita ei anna sieluansa.

Дети Велламо идут вперед,
Рука судьбы не остановит их:
Тот никогда не потеряет счастья,
Кто не даст полонить свою душу.

В волнах водопада поэт слышит призыв к освобождению от гнета:

«Kuin me, te ihmislapset, riemuiten
Eteenpäin kulkisitte onnehen,
Jos voimanne te kerran tuntisitte
Ja kahlehitä käydä tohtisitte.

И вы, люди, могли б идти
к счастью
С такой же радостью, как мы,
Когда б свою почувствовали силу
И осмелились бы разорвать свои
оковы!

Оковы — вот как раскрывается понятие «судьба» в этом стихотворении и, по существу, такой же оттенок оно имеет и в стихотворении «Чему смеешься?».

В финляндской поэзии широко распространены специфические образы — пейзажи рек, озер, стремнин и водопадов, которыми столь богата природа Финляндии. Вполне естественно, что в творчестве поэтов, разных не только по поэтической манере, но и разделяющих различные общественные взгляды, эти образы получают иногда противоположные трактовки. Так, Крамсу слышал в шуме водопада мятежные и свободолюбивые песни, Суонио же создает образ разбушевавшейся стихии для того, чтобы сказать о ее бессилии и бессилии человека. У Суонио шторм на озере только подчеркивает неомощность природы перед силой небесного творца, воплощенной в прибрежных скалах, которые смиряют волну. Человек, говорит Суонио, иногда пытается перешагнуть границу предначертанную ему свыше, но напрасно:

¹ В переводе за подписью Пр. Б. стихотворение опубликовано на русском языке в сборнике «Поэты Финляндии и Эстляндии», изданном под ред. Н. Новича. СПб., 1899, стр. 104.

Поэта здесь еще не интересует форма, которую может принять со временем эта свобода, он восхищается силой, заключенной в народе, он подчеркивает возможность активного протеста самого угнетенного класса.

Со стихотворением «Спартак» перекликается написанное также до 1878 г. стихотворение «Новое время», в котором Крамсу использует те же образы, но обращается уже к своим современникам. Новое время — это время буржуазных революций XIX века, которые должны принести подлинную свободу человечеству.

Nyt yli maiden vilppahasti
Käy uuden elon tuulahdus,
Ja raikkaana soi pilviin asti
Tää ihmishengen huudahdus:
Ken orja on, hän kuolkohon,
Tai varahaksi tulkohon.

Стремительно над всеми странами
Дыханье новой жизни веет,
И возглас человечества
До облаков летит:
Кто раб, пусть тот умрет
Иль станет свободным.

Последнее двустилишие повторяется после каждой строфы как припев, что придает стихотворению характер песни. Все стихотворение проникнуто духом боевого воодушевления:

Ken kahlehistä kirotuista
Ei irti päästä tahtoiskaan?
Ken pyrkii ajan taisteluista
Taas orjan rauhaa nauttimaan?
Ei unta orjain torkkuvitten
Uus aika tullut säästämään.

Кто не хочет вырваться
Из проклятых оков?
Кто ищет рабского покоя
Вместо битв?
Новое время пришло не для того,
Чтобы оберегать сон дремлющих
рабов.

Uus aik' on aika vapahitten...

Новое время — время свободы.

Крамсу рисует широкую картину пробуждения народов от долгого сна: сон о свободе сменился битвой за свободу, и поэт надеется, что силы тьмы будут побеждены в этой справедливой битве. Схожесть образов и боевого тона этих двух стихотворений позволяет предположить (в сборнике они помещены рядом), что Крамсу обращался к исторической теме в поисках утверждения правоты социальной борьбы в настоящем. Это предположение подтвердится и при анализе исторических баллад Крамсу.

В сборнике 1887 г. Крамсу поместил стихотворение, которое также называется «Новое время», но по содержанию полемизирует с предыдущим. Более глубокое знакомство с историей привело поэта к пониманию того, что буржуазные революции только совершались руками народа, но ничего народу не давали. Начало стихотворения как бы продолжает тему победоносной революции:

Käy myrsky, murtain kaikki
voimallansa,
Syvästi aika uusi hengittää,
Ja luulot vanhat horjuu juurillansa,

Бушует буря, все уничтожая,

Pyhyidet muinaisuuden häviää.
Ei luota orja enää kahleihinsa:
Vapaana riehuin tuntee voimiaan.

Глубоко дышит новое время;

Расшатываются старые
представления,

Исчезают святыни древности.

Не верит раб уже своим оковам:

Свободен он и силу свою

чувствует.

В этой битве, которая, казалось, должна была бы завершиться осуществлением мечты о свободе, погибают лучшие представители народов

(Ja kansain parhaat taistelussa kaatuu...) — и тогда наступает «второй акт» с «другими исполнителями». Последние три четверостишия написаны рукой беспощадного критика эксплуататорского общества и дышат таким суровым реализмом, что мы считаем необходимым привести их здесь целиком.

Käy esiin joukko rauhaa	Тогда выходят те, кто
suosivainen,	предпочитает покой,
Se taistellut ei, vartoi aikaans vaan:	Они не сражались, а ждали
	конца бури:
Nyt uupui muut, nyt sill' on valta	Теперь все устали, они же
vainen,	
Nyt parantaa se tahtoo haavat	Хотят излечить раны, полученные
maan.	страной.
Ja la'it uudet laatii pieni henki,	Ничтожества устанавливают
	новые законы,
Ja yhteiskunta muodostetaan näin	И снова образуется общество,
Juur samallinen kuin ol' entinenki,	Точь-в-точь как прежнее,
Vaikk' kiilloitettu vähän päältäpäin.	Хотя немножко подлакированное
	сверху.
Ja silloin syntyy järjestys niin	И снова водворен великолепный
uhkee,	порядок,
Ja kahleet uudet ihmishenki saa...	И человек получает новые цепи...

Буржуазия использует силу народа не только в революции, но и после нее. Крамсу говорит об этом внешне спокойно, но в каждой строфе заключено столько сарказма по адресу буржуазии, что современный финляндский критик Р. Палмгрен называет «Новое время» «потрясающе марксистской» точкой зрения на общественные вопросы.

Как уже говорилось, стихотворение из сборника 1887 г. во многом отлично от опубликованного в первом сборнике. Разочаровавшись в буржуазной революции, Крамсу не разочаровывается, однако, в народе, его энергии и его стремлении к свободе. Поэтому стихотворение заканчивается словами:

Jo jälleen myrsky uusi raivoon	Но вот поднимается уже новая
puhkee	буря,
Ja maahan kaikki murtaa,	И всё рушится и низвергается!
musertaa!	

Мы рассматриваем это стихотворение как произведение, написанное в традиции критического реализма, разоблачающее псевдонародность буржуазии, эксплуататорскую сущность общественного строя, установленного капиталом. Концовка стихотворения придает ему оптимистическое звучание, сближая «Новое время» с балладами о Дубинной войне.

Э. Лейно, считающий Крамсу поэтом пессимистическим, выражающим только одну идею — идею национального движения, пишет о «Новом времени»: «В этом стихотворении Крамсу погасил последнюю звезду своего идеологического небосвода... Скептицизм сломил его последнюю опору, его веру в плоды национального и социального прогресса»¹. Таким образом, и здесь мы встречаемся с таким же произвольным толкованием содержания произведения Крамсу, которое наблюдалось при анализе стихотворения «Идеи». Финляндские литературоведы, отрицающие

¹ E. L e i n o. Kootut teokset, XIV, стр. 195—196.

оптимизм «Нового времени», не отмечают и его реалистической направленности. Вынужденные все же признать наличие реалистических тенденций в поэзии Крамсу, они выдвигают на первый план незначительное стихотворение «Цыган», представляющее собою диалог поэта с бродягой-цыганом, у которого нет ни родины, ни веры, а есть только беззаботная радость. Буржуазный литературовед Р. Коскимиез называет «Цыгана» данью Крамсу реализму и его программным стихотворением¹. Он подчеркивает призыв к свободе, хотя это только свобода бродяги, и протест против религии, выраженный в очень легковесной форме:

Mik' on mun uskoni? Tahdotko sen kuulla?	Хочешь знать, в чем моя вера?
Tuta riemu rinnassain, laulaa sitä suulla.	Это радость сердца, изливающаяся песней.
Elämämme meille on Suotu vuoksi nautinnon.	Жизнь дана нам Для наслажденья.
Sen, ken sitä ei nauti, Tappakohon tauti.	Кто не умеет наслаждаться, Пусть будет убит болезнью!

Однако рассуждения цыгана нельзя считать мыслями автора, и все стихотворение кажется легкой шуткой.

Коскимиез старается доказать, что реализм, а в особенности реализм Крамсу — это очень безобидное явление, не заслуживающее серьезного внимания литературоведа и значительного места в истории литературы. Именно поэтому он совсем не упоминает действительно реалистического стихотворения «Новое время».

К темам родины и свободы Крамсу всегда относился с большой страстностью и убежденностью. В его поэзии эти темы чаще всего соседствуют. Так, в стихотворении «Моя отчизна» поэт восклицает:

Mun isänmaani!-ikäväällä Niin huokaan usein minäkin. Se on kuin oisi etäähällä, Vaikk' elän siinä itsekin. Sen toisellaiseks toivo luopi, Sen onnens toiseks toivoisin.	«Моя отчизна!» — так вздыхаю Часто я с грустью. Кажется, что она далеко, Хотя я живу в ней. В надеждах своих вижу Ее счастье совсем в другом.
--	--

«Чистейшим чувством» называет Крамсу свою любовь к родине, и действительно, в его патриотической поэзии мы не встречаем искусственного преувеличения и чрезмерной героизации прошлого, как это наблюдается у поэтов реакционного крыла. Крамсу воспекает родину такой, какова она была, без прикрас, и поэтому в стихах о ней звучит боль поэта, скорбящего о своей стране, угнетаемой и внешними и внутренними силами. Когда Крамсу в стихотворении «Жаворонок» говорит: «Холодна моя родина, но песня моя горяча», — он имеет в виду не только природу Финляндии. Поэт надеется, что его горячая песня согреет соотечественников. Временами Крамсу терял веру в свои возможности — и тогда рождались такие стихотворения, как «Кантеле Вяйнämейнена». Обратившись снова к образу, заимствованному из «Калевалы», поэт рассказывает о судьбе кантеле, оставленного мудрецом:

Ei sittemmin oo kuitenkaan Tuo kannel soinnut milloinkaan.	После этого ни разу Кантеле не звучало.
---	--

¹ R. Koskimies. Elävä kansalliskirjallisuus.

Но когда чудесный инструмент зазвучит, тогда финский народ встанет на борьбу за свое счастье.

Kun kuuluu ääni kanteleen,
Niin yhtyy Suomen kansa,
Mi sortuneena hajalleen

Когда раздастся голос кантеле,
Объединится финский народ,
Угнетенный и разрозненный
доселе,

On surrut onneansa.

Скорбящий о своей судьбе.

А может быть, не нашелся еще в Финляндии музыкант, способный извлечь из кантеле такие чудодейственные звуки? — этим вопросом кончает Крамсу «Кантеле Вайнямёйнена». В стихотворении «Наша песня» выражается уверенность, что есть люди, достойные стать преемниками великого рунопевца, но время песен еще не наступило:

Mutta jos Suomi kerran rohkeasti
Sä astut vapauden taistohon
Ja murrat kahleet, joihin
viekkahasti

Но если встанешь ты, Суоми,
Смело на борьбу за свободу
И цепи порвешь, которыми

Sun voimas, onnes kiedottuna on,

Так хитро опутаны твоя сила
и счастье,

Niin silloin kanteleelta katoaapi
Se este, joka tukehdutti sen,
Ja korkealle laulu kohoaapi,
Kuin lintu häkistänsä paeten.

Тогда ничто уже не сможет
Заглушить голоса кантеле,
И высоко взлетит песня,
Как птица, вырвавшись из клетки.

Любовь и боль, любовь и надежда, любовь и призыв к свободе соединены в стихотворениях Крамсу о родине. Его патриотизм совсем иной, чем великофинские мечты Оксанена, Суонио и Яннеса. Любя свою родину, Крамсу не чувствовал потребности приписывать ей вымышленные качества и приукрашивать историю, поэтому в стихотворении «Голос предков» поэт мог без ложного стыда сказать:

Ei koskaan maailmoita
Isämme voittaneet,
Ei töitä mainioita
He muistoks jättäneet.

Никогда наши деды
Не завоевывали миров,
Великих дел
Не оставили в память о себе.

В сравнении с высказываниями предшествовавших, в особенности реакционных поэтов, — это было новым и смелым заявлением. В эпоху, когда официальная печать искусственно раздувала территориальные претензии финской буржуазии, Крамсу провозгласил правду, скрываемую от читателей и вообще от широких народных масс. Стихотворение «Голос предков» полемично заострено против официальной пропаганды националистических идей.

Ei laulujensa laine
Oo kauas vierinyt,
Ei Suomen suvun maine
Oo niissä levinnyt.

Волны их песен
Недалеко разлились,
Славу финских племен
Не разносили они.

Крамсу ценил песенные традиции финского народа и его эпическое творчество, получившее мировую известность уже в XIX веке, но в этом стихотворении поэту необходимо было внушить читателям подлинное чувство патриотизма, очистить это чувство от наслоений национализма и великофинского шовинизма.

Поэты реакционного лагеря охотно писали о русско-шведской войне, искусственно раздувая роль финнов в ней, и этими воспоминаниями подогревали свои надежды на будущие завоевания. Крамсу, выразитель интересов трудового народа, видит подлинные национальные традиции в свободолюбивых устремлениях угнетенной части общества и поэтому резко отмежевывается от официальной точки зрения на историю, приближаясь к реалистическому воспроизведению ее.

Поэт верит в то, что его родина прославится в будущем, утро которого он уже видит. Стихотворение проникнуто глубоко сознательной любовью Крамсу к Финляндии, чувством истинного патриота, трезво относящегося к истории родины и к ее будущему. В «Голосе предков» нет трагизма, которым окрашено большинство стихотворений Крамсу о Финляндии.

Поэт нашел в истории Финляндии события, достойные воспевания. Не случайно его баллады о Дубинной войне принадлежат к лучшим произведениям поэта. Крамсу выбрал для своих исторических баллад ту эпоху, в которой наиболее ярко подтверждалась его вера в свободолюбивый, протестующий дух порабощенного трудового народа Финляндии. Крамсу стремился найти в прошлом обоснование своим идейным устремлениям, и для этого ему, в отличие от реакционных романтиков, не приходилось искажать истории, ибо его понимание исторических тенденций было реалистическим. Своеобразие баллад Крамсу и заключается в естественном переплетении в них романтических и реалистических элементов.

Крестьянская война 1596—1597 гг. была протестом против усиления крепостнического гнета шведских феодалов. Клас Флеминг, наместник Швеции в Финляндии, вождь крупных феодалов, провел увеличение налогов в пользу землевладельцев и отменил издавна существовавшие льготы, по которым финские крестьяне освобождались от обязательного и разорительного для них постоя кавалерии. Действия Флеминга подняли волну крестьянского возмущения, которое вылилось в вооруженное сопротивление феодалам. Выступления крестьян начались на севере, в Лапуа, постепенно передвигаясь на юг страны. Крестьяне, вооруженные дубинками, разрушали дворянские поместья и расправлялись с землевладельцами. Крестьянские отряды под руководством Якко Илкки сражались с силами Флеминга, превосходящими их и количественно и качеством вооружения. Хитростью Флемингу удалось расколоть войска крестьян на группы и уничтожить их.

Битва у Сантавуори завершила Дубинную войну победой феодалов.

Крамсу знакомился с событиями Дубинной войны по книге Юрьё Коскинена. Коскинен подчеркивал в предводителе крестьян Якко Илкке силу «финского духа», отказавшегося подчиниться «шведскому духу», т. е. антифеодальная классовая борьба сводилась им к борьбе одной нации против другой, в то время как в действительности национальная рознь, разумеется, не была ни единственной, ни главной причиной крестьянского движения, хотя и играла определенную роль.

Коскинен в своем труде преувеличивает значение личности Класа Флеминга в событиях Дубинной войны, считая его действия основным содержанием описываемого им периода истории¹. В Якко Илкке Коскинен признает только храбрость и недоумевает, каким образом ему удалось заслужить доверие народа².

¹ См. Yrjö Koskinen. Teokset, I, Nuijasota, sen syyt ja tapaukset. Helsinki, 1929, стр. 107.

² Там же. Стр. 303.

Характерно, что, говоря о восставших крестьянах, Коскинен чаще всего употребляет слово lauma, что в переводе означает «стадо» или «сброд».

Крамсу не был первым из писателей, обратившихся к темам Дубинной войны. Крестьянская война вдохновила поэта Якко Ютейни (1781—1855 гг.) примерно в тридцатые годы XIX века на создание большого стихотворения «Дубинная война в Финляндии». Ютейни подчеркивает религиозный характер крестьянской войны. В недовольстве крестьян ставленником католического короля Сигизмунда — Флемингом действительно проявлялось сопротивление папской власти, но это не было главной движущей силой восстания. Торжественные гексаметры Ютейни все же воссоздают некоторые существенные стороны народного характера: стремление к миру и мужество в борьбе против сетей католицизма. У Ютейни впервые в литературе прозвучал лозунг, который затем, через балладу Крамсу, вошел в стихотворения революционных поэтов XX века.

Ennemmin kuolla ja huolella hukkaa kuin orja olla.

(Лучше умереть, сгинуть за дело, чем быть рабом).

В 1862 г. поэтом Иосифом Векселем была написана историческая драма «Даниэль Юрт». Герой ее — шведский студент, приверженец герцога Карла — врага Флеминга и Сигизмунда.

Крамсу продолжает традицию ранних романтиков, но решает тему Дубинной войны по-новому, осмысляя историю как борьбу классов. Крамсу был одним из первых литераторов, увидевших классовую дифференциацию феодального общества.

Крамсу отбросил толкование Дубинной войны как столкновения финского и шведского духа, переосмыслил некоторые факты и создал образ народного героя Якко Илкки, воплотившего лучшие типические черты угнетенного, но гордого трудолюбивого финского народа.

И, разумеется, Крамсу совершенно отказался от любования фигурой Флеминга, что так характерно для Коскинена. Крамсу не вводит его в балладу даже и в роли отрицательного героя, а только рассказывает о бедствиях, причиненных народу правлением Флеминга.

Se aik' ol' ajoist' ankarin
Ja itkun aika varmaan,
Kun käsissä Klaus Flemingin
Ol' ohjat maamme armaan.
Kyll' itki moni huokaillen,
Ett' oikeus on pilkka;

Mut itkiessä toisien,
Niin itkenyt ei Ilkka.

То было жестокое время,
Время стонов и слез,
Когда бразды правления страны
Были вручены Класу Флемингу.
Многие плакали, вздыхая,
Что справедливость — только
насмешка,

Но среди общих слез
Не было слез Илкки.

Подлинное благородство видит поэт в крестьянине Илкке, который во времена всеобщего смятения и горя, вызванного правлением Класа Флеминга, не поддался растерянности, а внушал народу сознание необходимости борьбы. В словах Якко Илкки, обращенных к народу — страстный революционный призыв, какого нет ни у предшественников Крамсу, ни у поэтов 70—80-х годов XIX века:

Ken vaivojansa vaikertaa,
On vaivojensa vanki,
Ei oikeutta maassa saa,
Ken itse sit ei hanki.

Кто жалуется на страдания¹,
Тот — раб своих несчастий.
Справедливости никто не получит,
Если сам не добьется ее.

¹ «Якко Илкка» в переводе на русский язык издавался в 1893 г. в сборнике «Поэты Финляндии и Эстляндии» и в 1917 г. в «Сборнике финляндской литературы». Оба перевода недостаточно соответствуют подлиннику, как и выше упоминавшиеся переводы.

Siis vapauteen taistellen,
Ken miehen mieltä kantaa:
Tie suoriin kulkee onnehen
Lähellä kuolon rantaa!

Вставайте на битву за свободу
Те, кто мужественны.
Прямой путь к счастью
Близок к дороге смерти!

Соединяя в словах Илкки иронию с глубочайшей убежденностью, Крамсу создает строки огромной впечатляющей силы. Энергичный ритм четырехстопного ямба придает обращению Илкки эмоциональную страстность и динамичность — всей балладе.

Здесь нет национального конфликта, и устами Илкки говорит не представитель «всей Финляндии, темную, густую кровь которой он чувствует в себе», — как характеризуют его Э. Лейно¹ и Р. Палмгрен². Слова Илкки — боевой призыв к угнетенным, к открытой войне против несправедливости и бесправия. Прозвучавший впервые в 1878 г. революционный лозунг был обращен поэтом не столько в прошлое, сколько в настоящее и будущее, в этом секрет неувыдаемости баллады Крамсу. Как указывалось выше, Крамсу возлагал много надежд на крестьянство, боевые традиции которого поэт надеялся увидеть возродившимися в XIX в. Но независимо от идеалов поэта, его призывы были на вооружении финского пролетариата в годы его революционных выступлений. Призыв Крамсу повторили, обращаясь уже к финляндскому пролетариату, революционные поэты рабочего класса Кёсси Каатра (1882—1928) и Каарло Ускела (ум. в 1922).

В годы революционной ситуации (1905—1906 гг.) Кёсси Каатра удалось издать в Тампере сборник стихов «На переломе», призывавший рабочих к активному выступлению против гнета капиталистов. В стихотворении «Страдай и терпи» Каатра призывает рабочих взять своими руками свою судьбу из когтей обирал.

И совсем в стиле Крамсу звучат строфы стихотворения «Народу лесов»:

Vaietkoon jo nurku, nyyhky,
Valitus ja huuto vaivan,
Lentää lohdun kaunis kyyhky
Kunkin kurjan luokse aivan:

Да замолкнут ропот и плач,
Жалобы и болезненные стоны,
Красивый голубь утешения
Летит к каждому несчастному.

Itse oikeutes hanki,
Itse kortes kekoon kannan,
Ota vapautes vanki;
Kenkään sulle sit' ei anna.

Сам добудь свои права,
Внеси свою долю в общее дело,
Возьми свободу сам,
Никто не даст ее тебе.

Такое же страстное желание помочь своему народу, убедить его в необходимости решительной борьбы выражено в «Марше угнетенных» революционного поэта 1918 г. Каарло Ускела, опубликованном в 1922 г. в его сборнике «Вздывившийся Пегас».

Pois siis valitus ja huolet!
Vallasta on syöstävät
Alas miehet mielipuolet,
Jotka meitä ryöstävät!

Оставим жалобы и стоны,
Власть отнимем
У мужей полоумных,
Которые грабят нас.

¹ E. Leino. Kootut teokset, XIV, стр. 194.

² R. Palmgren. Suuri linja. Стр. 132.

Таким образом, призыв Якко Илкки обрел свою традицию, ибо выражал подлинные чувства народа. Герой Крамсу был обращен не столько в прошлое, сколько в будущее, которое требовало именно таких героев и таких призывов. Поэт создавал, что Илкка — подлинно национальный герой, который будет жить в веках, и это, несомненно, увеличивает художественную ценность исторической баллады Крамсу. Поэт был прав, говоря:

Viel' elää Ilkan työt, kenties
Kauanki kansan suussa.
Hän eli niinkuin Suomen mies
Ja kuoli — hirsipuussa.

Еще долго будут жить
Дела Илкки в устах народа.
Он жил, как настоящий финн,
И умер на виселице.

Большинство финских литературоведов избегает трактовать слова Илкки в их истинном свете, хотя страстный призыв крестьянского вождя говорит сам за себя.

Ja vasamata popsempaan,
Jonk' ilmaan viskas jousi,
Nää sanat lensi halki maan,
Ja Suomen kansa nousi.

Быстрее, чем стрела,
Пущенная из лука,
Слова эти облетели страну
И подняли народ Суоми.

Nyt liekki sodan verisen
Levisi pitkin maata:
Ei Suomi sotaa Ilkkaisen
Unohtaa koskaan saata.

Пламя кровавой войны
Охватило страну.
Никогда не забудет Суоми
Войны Илкки.

«Суровая рука мести настигла угнетателей», — пишет Крамсу, не подчеркивая их шведского происхождения. В Илкке поэт тоже не заостряет национальных черт, а показывает его только как героя, выдвинутого народом и до конца оставшегося верным народу. Крамсу акцентирует в Якко Илкке качества, снижавшие ему доверие крестьян: рассудительность и мужество, любовь к свободе и ненависть к угнетению. В соответствии с требованиями жанра баллады Крамсу находит в образе Илкки те черты, которые в данных обстоятельствах проявились наиболее активно и в которых воплощалась вся сущность человека. Поэтому мы не можем согласиться с теми финляндскими литературоведами, которые отрицают художественность образа Илкки, созданного Крамсу. Ю. Крон, пытавшийся поэтизировать мельчайшие переживания и незначительные факты, дал отрицательную оценку балладе «Якко Илкка». В рецензии, появившейся в «Валвоа» в год издания сборника Крамсу, в 1887 г., Ю. Крон всячески умаляет значение революционного произведения ссылками на то, что в балладе, якобы, нет живого образа Якко Илкки, нет показа отдельного эпизода, в котором герой мог бы проявить себя¹. В таком же плане анализирует балладу П. Артти² в «Валвоа» в 1900 г. Несомненно, что эти суждения продиктованы отрицательным отношением официальной печати к революционному содержанию баллады о герое XVI века. Баллада Крамсу воспринималась как актуальное произведение. Крамсу сам не раз подчеркивает в балладе современность призывов Илкки. Баллада кончается строфой, в которой поэт выражает свою веру в бессмертие Илкки и его принципов:

¹ J. Krohn. K. Kramsu. Runoelmia. «Valvoja», 1887, стр. 511.

² P. Artti. K. Kramsun runoilijaluonteesta. «Valvoja», 1900, стр. 412.

Mut varmaan Ilkan neuvo tää
 Viel' elää kansan suussa:
 Kauniimpi orjan elämää
 On kuolo hirsipuussa.

Я знаю, что в народе
 Живут слова Илкки:
 Смерть на виселице
 Лучше жизни раба.

Боевая страстность призывов Илкки делает балладу Крамсу одним из лучших произведений финской поэзии XIX века.

Некоторые исследователи творчества Крамсу, например В. Таркиайнен и Р. Коскимизс, считают неправомерным столь отчетливое противопоставление классов при отражении событий далекого прошлого. Одним из первых высказал подобное утверждение А. Мёрне¹ в «Валвоя» за 1913 г. Мёрне обвиняет Крамсу в исторической неправдоподобности образа Якко Илкки, ссылаясь на приводимые в труде Коскинена отрывки исторической песни об этом вожде крестьян, в которых Илкка характеризуется, как плохой воин. За неимением точных сведений об Илкке мы не можем оспаривать достоверность произведения народного творчества. Но вместе с тем нельзя отрицать и того, что далеко не всякое отступление от эмпирических фактов истории есть ее искажение. Все дело в том, с позиции какого класса изображаются события. Крамсу писал баллады о Дубинной войне, преломляя историю через призму мировоззрения угнетенного класса. Поэтому он и смог увидеть в феодальном обществе столкновение классовых противоречий — то, что неизбежно во всяком классовом обществе.

Якко Илкка у Крамсу — романтический герой. Поэт сознательно подчеркивал мысль о том, что современные ему крестьяне — наследники преемственности боевых традиций участников Дубинной войны. Поэтому вероятное частичное облагораживание героя, который может стать вдохновителем новых боевых народных отрядов, не снижает его художественной значимости. Популярность этой баллады в Финляндии — лучшее доказательство ее народности.

В иной манере написана баллада о другом крестьянском вожде — Ханну Кранкке, возглавлявшем во второй период войны отряды северных крестьян. Баллада «Ханну Кранкка» описывает юмористический эпизод одного из сражений: предводитель крестьян, переодевшись в шубу вражеского командира, едва не стал жертвой своего необдуманного поступка. Ханну Кранкка поэт показывает отважным и веселым воином, которого известие о поражении отрядов Илкки только воодушевило «продолжать игру». Поэт говорит и о том, что Кранкка научился играть со смертью, участвуя в пограничных столкновениях с карелами, которые имели место в конце XVI — начале XVII веков.

В этой балладе Крамсу несколькими штрихами создает групповые портреты крестьян-воинов: никогда не отступают грозные отряды из Ий, рослые герои из Кеми уверены в себе, а стройные парни из Лиминги дерутся умело и храбро.

Отряды, победившие превосходящие силы врага, дрогнули только тогда, когда им пришлось отражать удары своего вождя, которого они атаковали, приняв за предводителя противника. Эпизод кончается благополучно, если не считать того, что хозяин шубы спасся бегством, воспользовавшись поднявшейся в стане дубинников возней.

Веселая баллада написана легким трехстопным ямбом, подчеркивающим непринужденность боевой игры таких людей, как парни с севера, и является еще одним опровержением тезиса о мрачном пессимизме творчества Крамсу.

¹ A. M ö r n e. Kaarlo Kramsun historialliset runot. «Valvoja», 1913, стр. 225.

В балладе «Битва при Сантавуори» Крамсу создает еще один образ свободолюбивого крестьянина-воина. Используя характерную для природы Финляндии особенность — летние заморозки, — Крамсу рисует картину опустошенной врагом страны. Умирающий на поле боя крестьянин услышал радостное ликование победителей — и на его губах заиграла усмешка. Тяжело ему умирать, зная, что дело свободы, за которое отдали жизнь тысячи крестьян, проиграно, но скорбь сменяется верой в будущее. Обращаясь к врагу, воин восклицает:

Riemuitkaatte rikoksista nyt te kansan sortajat,
Nythän valta teidän onpi, nyt te ootte voittajat.
Tuhotöistä riemuitkaatte, teidän onpi hallayö,
Mutta seuraukset senki poistava on kansan työ.

Радуйтесь своим злодеяниям, угнетатели,
Вы победили — и наступила ваша власть.
Ликуйте теперь в морозной ночи,
Но знайте, что народ сумеет победить и ее.

Здесь Крамсу снова выражает здоровый оптимизм трудового народа. Трудолюбие не раз спасало крестьянина-финна от голодной смерти, когда заморозки губили весь урожай. И новую морозную ночь, обильно орошенную кровью, народ сменит весенним утром. Надежда умирающего крестьянина подкреплена конкретной картиной предвидения будущей расплаты:

Kesä uusi koittaa vielä, vaikka kauan viipyiskin,
Kansa uusi nousee silloin, kansa mielin hehkuvin.
Sortajansa sortamalla, onnehen sen käypi tie;
Mutta riemuhuudot teiltä kadoksissa silloin lie.

Новое лето настанет, хотя бы ждать пришлось долго,
Тогда поднимется новый народ с пламенной душой
И пойдет к счастью, уничтожая угнетателей,
И ликовать уже вы не будете.

В балладе «Яккима Берендс» поэт создает образ крестьянина, с истинно финским упорством вступающего в поединок с феодалом. Портрет феодала написан сатирическими красками и продолжает народно-песенную традицию осмеяния богатых и власть имущих:

Jalo oli herran henki,
Suuria se mietti vaan:
Rovon rosvos viimeisenki
Köyhältä hän miekallaan.

Господин был благородным,
О больших делах он размышлял:
Последние грабил он гроши
Своим мечом у бедняка.

...Mutkat halpaa halvemmiksi
Herran jalo mieli ties.

...Для его высокого ума
Не подобало выбирать окольный
путь.

Asiansa ajoi siksi
Suoraan Berends, niinkuin mies.

Прямо к делу приступал
Берендс, как настоящий мужчина.

Руководствуясь моралью сильнейшего, Берендс предлагает крестьянину без раздумий сойти с его пути и отдать ему дом и землю, но наталкивается на мораль честного труженика, который не посягает на чужое и

не отдаст своего. Тогда помещик сжигает крестьянский дом. Крестьянин строит дом заново и продолжает трудиться на своей земле, вызывая бесильную ярость Берендса, который замышляет снова сжечь постройку Пейппо. Концовка баллады дополняет образ крестьянина выразительным штрихом: Пейппо быстро снимает шапку с головы и, отдавая поклон до земли, отвечает:

Se on talonpojan työksi
Aina tullut Suomen maass':
Minkä herra maahan syöksi,
Rakens talonpoika taas.

На долю крестьянина в Суоми
Всегда доставался такой труд:
Что сметал с земли господин —
Он строил вновь.

В этом жесте и следующей за ним фразе поэт схватил характерную черту — пассивное сопротивление крестьянина произволу феодалов и его ироническое отношение к господину. Авторская характеристика Берендса идет от мирозерцания именно такого крестьянина, который в свой поклон вкладывал не смирение, а моральное превосходство над презируемой им бессмысленной, разрушительной силой угнетателя. В этом смысле образ финского крестьянина из баллады противостоит рунеберговскому Пааво из Саариярви и развивает характеристику пастуха Туомо из одноименного стихотворения Киви.

Несмотря на то, что в малом жанре баллады невозможно дать развернутых характеров, образы ее, благодаря меткому выбору поэтических средств автором, встают перед читателем живыми и полнокровными. Классовая характеристика образов баллады естественно сливается с их человеческими качествами, поэтому противопоставление угнетателя угнетенному не схематично, а вырастает в яркую реалистическую повесть о Финляндии XVII века.

Крамсу не акцентирует того, что Берендс — швед, а напротив, наделяет его качествами, отнюдь не национальными: спесивостью и внешним благородством в сочетании с грубостью и бессмысленной жестокостью. Поэтому пафос баллады — в ее антифеодалной устремленности, которая в семидесятые и восьмидесятые годы была выражением протеста против всякого классового угнетения.

Описывая события Дубинной войны, Крамсу создает образы, совершенно противоположные рунеберговским. Вместе с тем, в балладах нет ничего натуралистического. Это не помешало критику В. Арти обвинить Крамсу в отсутствии вкуса и доказывать, что читатель «ясно ощущает, какое низкое, непоэтическое и грязное видение мира было у автора. Фантазия Крамсу представила ему серую поляну, на которой валяются почерневшие трупы...»¹ Огрубляя картину, созданную поэтом в балладе «Битва при Сантавуори», В. Арти противопоставляет ее «поэтичным» картинам Рунеберга. Большинство же финляндских литературоведов отдает дань восхищения торжественному и энергичному ритму баллады о Сантавуори, обходя, однако, ее содержание и умалчивая о других стихотворениях, в которых Крамсу снова и снова связывает события Дубинной войны с надеждами на новый подъем крестьянских сил против угнетения (стихотворения «Сказ», «Вздыхающие поляны», «Спящая Суоми»).

* * *

Своими историческими балладами Крамсу внес значительный вклад в литературу Финляндии. Начиная с зарождения романтизма, историче-

¹ V. Artt. Runoanalyysi ja runotekniikka. Porvoo-Helsinki, 1932, стр. 326.

ская тема активно привлекала и привлекает внимание финляндских поэтов и прозаиков. Крамсу был первым писателем, внесшим в исторические произведения реалистическую тенденцию, нашедшим в прошлом тех героев и те события, которые вселяли в читателей веру в победу справедливости и свободы. Тот факт, что Крамсу увидел в истории подлинные национальные традиции и своими стихотворениями очищал чувство патриотизма от нездоровых примесей национализма и великофинского шовинизма, является несомненной заслугой поэта перед демократической литературой Финляндии. По-новому отражается в балладах Крамсу и образ финского крестьянина. Крамсу продолжает традицию, идущую от поэзии Киви и полемизирует с крестьянскими образами Рунеберга и его последователей.

Крамсу иногда называют певцом Дубинной войны, хотя темы его поэзии гораздо шире. Правильнее было бы назвать его певцом борьбы, ибо все творчество Крамсу пронизано идеей освобождения человека. Если поэту порой и были присущи настроения уныния и глубокой тоски, если иногда он бывал противоречив в своих суждениях, (например, стихотворение «В день коронации царя Александра III»), то наиболее сильно в его творчестве всегда звучит тема борьбы.

Крамсу одним из первых внес в финляндскую поэзию сатирический метод изображения, подхваченный и развитый затем в поэзии Казимира Лейно и революционных пролетарских поэтов.

Своеобразие стиля Крамсу заключается в соединении естественного, почти разговорного языка с четкими ритмами, упрочение которых в финляндской поэзии 60—70-х годов XIX века являлось актуальной задачей литературы.

Вместе взятые, все эти характерные для творчества Каарло Крамсу черты позволяют оценить его небольшое поэтическое наследие как одно из центральных явлений финляндской демократической литературы XIX века.